

Герои образуют время. Герои олицетворяют время. Герои и есть время.

Неразрывность исторической памяти народа — непрекращающийся перечень своих героев, чьи имена как узелки на молитвенных чётках, с которыми народ предстоит Богу, творящему «присно с нами великая же и неисследованная, славная же и ужасная, их же несть числа». Кого же народ молитвенно поминает в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией? Только лишь тех, кто «витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин»? Нет, конечно же, шире — «доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец» (Толковый словарь живаго великорускаго языка В.И. Даля).

Само-отверженец... Самоотвержение вмещает, накрывает собой и подвиг ратника, и подвижничество инока, и насаду орабая. Самоотверженность собирает всех лично, индивидуально, без разделения на сословия и землячества, национальности и верования, ибо самоотверженность есть изначально, личностная способность, психозаданность конкретного человека на самоотдачу, на самопожертвование.

Жертвование собой. Жертва — чему? Кому? За что?.. «Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлечённой, головной и никому не нужной «теорией познания» или «учением о бытии или материи»» — в своём удивительном завещании русским философам Алексей Фёдорович Лосев жёстко спостулировал: **«Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва. ...Я многие годы провёл в заточении, гонении, удушении, и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с её радостями и горем, с её счастьем и с её катастрофами есть жертва, жертва и жертва»**. **И укрепил-утешил: «Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. ...В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое»**. (А.Ф. Лосев, «Родина»). «Жертва» — «героическое».

Слова «подвиг» и «подвижничество» своей однокорнёвостью выводят на русское историческое понимание равенства жертвы «кровью» и «потом», и это жертвенное равенство жизни-смерти в сознании нашего народа свидетельствует о духовном его видении феномена героизма. Духовном, то есть, если не отрицающем вовсе, то предельно принижающем значение материальных выгод от совершения подвига. Ведь, если не единственное, то главное в героизме — в кратком на поле

боя или многолетнем в келье или лаборатории, главное — победа над злом, над пороком и грехом. Такое виденье есть результат тысячелетнего воцерковления Руси-России, тысячелетия хриstopодражания русских народов. Религиозность как личностного, так и общественного сознания, проверенная и утверждённая неизменными искушениями и немислимыми испытаниями, отразилась в оценочных канонах, в числе прочего безапелляционно выцеживающих жития из биографий. Из порой феерично ярких, перенасыщенных событиями судеб князей, воевод, зодчих, рударей, законодателей, словесников, первооткрывателей и первопроходцев народ безошибочно определяет — кто вправду является знаком-узлом на его молитвенных чётках, кого следует помянуть в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией. Народ узнаёт героя даже под спудом юродства, узнаёт его в «неудачливом» и «неуспешном», в ребячливом и дурашливом, и самый дорогостоящий пиар не затемнит, не отведёт глаз народного сердца: жертвенность есть устремлённость к святости, её главный и неизменный образчик — крестный путь на Голгофу.

* * *

Темы подвига и героизма без устали разрабатываются философией, психологией, социологией, этикой и культурологией. И рассыпаясь на бесконечное число определений, исследователи, при всём, равно согласны, что понятие подвига и совершающего подвиг героя оценочно связаны с моралью, с убеждениями, идеалами конкретных культур в конкретные эпохи. Отсюда вопрос-проблема наследования национальной культуры при переменах этих самых эпох. Оставаться народом, нацией, нести цивилизацию через любые социальные, политические, технические и научные революции, экономические скачки и переломы, попадая под великие переселения и географические открытия, сохранять и развивать самобытность под прессом глобалистской унификации — проблема культурной самоидентификации, кроме прочего, связана и с нарастающим объёмом знаний, в геометрической прогрессии накапливаемым с каждым поколением. Как сосредоточить-сконцентрировать, во что сублимировать национальный опыт, в какие базовые элементы свести, оформить всё множасьщееся количество фактов, событий, открытий, что это за минимальные по объёму и максимальные по насыщенности информационные и, одновременно, идейно-эмоциональные блоки, которыми возможно продолжать национально-культурное домостроение?

Эти кирпичи-атомы, базовые элементы — образы. Эстетические и художественные образы устной и письменной литературы, наскальной и салонной живописи, колядки и кантаты, воплощающие общее в единичность, соединяющие чувственное и рациональное, эстетизирующие этическое — образы в своей взрывной сверхконцентрированности содержания неизбежно герметически замкнуты внешне, закодированы символами конкретной культурой.

Образы можно определить как творчески отражённое возвращение платоновских идей-эйдосов в идейное поле истинного бытия после народного опыта их воплощения в мире чувственном. При этом, являясь результатом авторского, личного творчества, образы, в отличие от головных тропов, — результат сотрудничества ума и сердца, плоды труда умного сердца. Образы, как и эйдосы, совершенно разновелики и разновесомы: образ золотого века и образ солярной круговерти, образ матери и образ прародины, образ отечественной войны и образ

врага, образ справедливого отца-царя и образ героя эпохи строительства коммунизма — каждый запечатленный искусством образ запечатывается символом. Так что за пределами конкретной культурной традиции полноценное раскрытие символов-образов практически невозможно, они есть память конкретного народа, в них самобытность нации, самобытие цивилизации. Как бы мы ни восхищались величиём южноамериканских ступенчатых пирамид, цветовой гаммой вавилонских и египетских фресок, анатомичностью античной скульптуры и изыском китайских рисунков — то лишь профанное скольжение в чувстве общей гармонии «золотого сечения» и «цветовых треугольников». Художественно оформленные в образы смыслы и чувства впечатываются в генетическую память: культура так же влияет на генетику, как и климат, как и образ кочевой или оседлой жизни, и богатство или бедность хранимого народом мелоса свидетельствует о его, народа, древности или молодости. Беда, когда на переломах эпох сам народ теряет ключи понимания к собственным образным кодам, когда по злой воле и собственной беспечности он обрывает свою художественную традицию культурного воспроизводства и амнезирует, не узнавая свою историю. Так литературный процесс — процесс национального самосознания — не должен прерываться ни в одном поколении: нация непрестанно формируется языком и форматируется литературой. Обрыв — и второй шанс невероятен.

Если катастрофическое пресечение национального самобытия имеет себе оправдательную редкость вселенских катаклизмов, то постепенная и постоянная (!) утрата кодовых культурных ключей должна быть подсудной. Общество строит своё государство, как нация свою церковь, посему государственная ответственность — внешняя и внутренняя защита территорий и населения, экономическая стабильность и социальная справедливость согласно общественной морали, которую (общественную мораль) государство и поддерживает как базовую основу самосохранения. Но, как показывает опыт, сохранение национальных культурных кодов государству лучше не доверять: слишком государство изменчиво, слишком зависимо от тактических интересов внешней политики, подчинено экономическим превратностям политики внутренней, а ещё время от времени власть предреволюционно вступает в конфликт со своим народом, меняя или раздваивая мораль. Надёжное владение кодами-ключами от фундаментальных образов национальной памяти — функция сверхответственная, то есть — религиозная. Культура — реализация культа, и только церковь способна — и потому обязана отвечать за всеобщую, всеобъёмную доступность памяти нации для нации. Люблю цитировать Николая Бердяева, явно не клерикала («Воля к жизни и воля к культуре»): «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — все заключено органически целостно в церковном культе, в форме ещё не развёрнутой и не дифференцированной».

Понятно, что хранение ключей — не владение амбарами, и мы здесь говорим не о материальных носителях культуры — о музейных ансамблях, о собраниях живописи и библиотеках, о концертных залах и исторических парках. И мы говорим о церкви не как о мистическом единении верующих, не о Церкви-организме — теле Христовом, а о церкви-организации — мы говорим о социальном институте, в силу своей природной, принципиальной консервативности, идейной статичности обладающем возможностью поддерживать мосты понимания через

два-три-пять-восемь и более столетий. При этом неколебимость религиозного мировоззрения распахивает двери не только в смыслы и чувства средневековья, оно единственно даёт правильную возможность вводить в эту непрерывность долгой памяти и современность. И, прежде иного, не столь давние героические события, образы которых оказались в неожиданной, немислимой ещё тридцать лет назад нечитаемости, нераскрываемости при живых участниках и свидетелях.

Так сегодня только **традиционно-религиозное осмысление трагедийности Великой Отечественной** (как первым её в июне 1941 года назвал митрополит Сергей) **войны с её гекатомбами народных жертв может вывести нашу национальную мысль из ловушки, построенной русофобами для материалистического сознания.** Материалистическое сознание не видит, не читает, не раскрывает образ непредставимо гигантских потерь от фашистской агрессии как общенародную духовную жертву своей Родине («**Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна**»), и потому неизбежно скатывается к трактовке миллионов, миллионов и миллионов погибших в боях, в плену, в рабстве, под бомбами, от ран, болезней и голода как некоей числовой мере выгоды или невыгоды свершённого народами СССР подвига. Для материалистического сознания, выпавшего из ограничений (и, таким образом, защиты) советской идеологии, лишённого опоры на советскую мораль, уже совсем не видится подлости, мерзости всё более активно внедряемой либералами мысли о том, что Россия слишком дешево отдала столько жизней своих солдат, детей, матерей, не получив достаточного хабара. **«Разного рода писаки, испорченные дурными книгами, неизученной наукой и обнаглевшей жизнью, учили нас о любви в бранных выражениях. Бескорыстная любовь всегда находила для себя осмеяние, презрение, издевательство у людей «науки», «культуры», «цивилизации». Какое это подлое вырожденство, какой духовный и социальный развал, какое ничтожество и слабоумие!» — А.Ф. Лосев, «Родина».** Об этом же у А.С. Панарина («Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности»): «Наша реакция на очередной «обман века» может быть смоделирована по двум разным законам: политического реализма и мистического парадоксализма. Но следует сразу же оговориться, что политический реализм, оторванный от нашей мистико-мессианской традиции, неотвратимо вырождается в капитулянтство (курсив мой, Д.В.) перед "реальной силой"». Увы, ловушка сработала, и ответно материалисты-патриоты начали с калькуляторами в руках всерьёз спорить с материалистами-либералами о том, сколько с какой стороны было убито и покалечено, какая промышленность была обрушена, какие контрибуции способны были бы окупить оплаченное и утраченное.

Для нерелигиозного сознания образ Великой Победы никогда не сможет быть раскрыт, никогда не будет развёрнут как образ Православной Пасхи. И потому-то атеисту закрыт истинный смысл Крестных страданий России. Более того, нерелигиозное сознание никогда не поймёт своей моральной обречённости после недолгого идейно-пассионарного энтузиазма общественного богоборчества «покорения природы» угасать и расплываться в пошлость-подлость «выгод», «благополучия» и «успешности» в «обстоятельствах». Ибо атеистическая мораль заземлённо, приземлённо приспособленческая, и раньше или позже она оправдательно адаптируется хоть под военный коммунизм, хоть под развитый социализм, хоть под дикий капитализм. Этой своей привязанностью, поклонением духу времени общественная мораль периодически входит в конфликт с личной совестью — непреложным

голосом вечности, и порождает цинизм. Если правы филологи и психологи, и понятие «совесть» не существует за пределами русского языка и русского сознания, то как кому объяснить, почему мы, русские, не можем зарабатывать, искать прибытка на памяти пережитого геноцида по примеру пропагандистов холокоста. Ответ торговцам и менялам списков убитых во Второй мировой — наш Бессмертный полк.

* * *

Итак, художественные образы своего времени — базовые элементы национальной памяти, запечатаны символикой национальной культуры. Культура — реализация культа, поэтому ключи к пониманию символов, к смысловому и чувственному раскрытию образов нация хранит в своей религии. Для атеистического сознания эти ключи к смыслам и чувствам пережитого народом теряются с каждым изменением государственной идеологии и обслуживающей идеологию морали. И последнее уточнение о морали: кроме личной совести, напоминающей о личной вечности и призывающей к оценке собственной деятельности и всего окружающего с точки зрения вечности, наши мысли и поведение коррелируют не только общепринятая мораль, но и, если мы религиозны, — страх Божий. «Начало премудрости страх Господень» — без этого высшего страха человек подчинён страхам низшим. Как же меня в своё время поразили слова святого Амвросия Медиоланского: «Если кто боится Бога, тот уклоняется от заблуждений и направляет стези свои на путь добродетели. Если же кто не боится Бога, то не может отказаться от греха». Не может отказаться.

* * *

Прошлое в нас. Прошлое — это мы, творящие будущее. Чем больше в человеке прошлого — прошлого нации и государства, прошлого церкви и культуры, прошлого семьи и рода, да соединённого с личным опытом, тем он сильнее, рассудительнее и милостивее. Полномерная, целомудренная, могучая и добродетельная — развитая до святости личность есть вершинная цель нации, её идея. И эта идея изначальна, она до-нации, пред-нацией, она есть высшая, главная её первозадача, промысел, её породивший, ведь «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Владимир Сергеевич Соловьёв, «Русская идея»).

Воспитанием, образованием, созиданием личности занимаются и семья, и улица, и сословие, и государство, и церковь. Ну, и враги — враги семьи, государства, церкви. Страшнейший удар «русская идея» получила в XIX веке, когда элитарное воспитание Российской Империи оказалось если не под контролем иезуитов, то под сильным их влиянием. Пригретые Екатериной взамен на признание орденом раздела Польши 1772 года, что отсрочило фронду магнатов против Российского престола, иезуиты пережили папские общеевропейские запреты в Беларуси, а при Павле активно стали осваивать Россию при помощи учебных заведений и гувернёрства. В 50-е годы XIX века протоиерей Иоанн Рождественский писал: «Уж если бороться с иезуитами, так... с интриг секретных внутри России. Лукавый дух у нас гнездится везде, от канцелярии Синода до бурятской кибитки, и всюду приносит плоды...». Плоды просвещения. Образования. Точнее — воспитания.

Когда в 1707 году Общество Иисуса открыло в московской Немецкой слободе свою первую школу, в неё стали принимать мальчиков не только из слободских католических семей. Юные Апраксины, Лопухины, Головины обучались в ней геометрии, астрономии, латинскому и немецкому языкам, химии и другим европейским премудростям. И потому выросли совершенно искренними адептами петровских революций. Что, впрочем, в своё время не помешало Петру Алексеевичу иезуитов, уличённых в проавстрийских интригах, изгнать и школу закрыть. Одним петровым махом.

Элитное светское образование — главная канализация иезуитов во внутреннюю жизнь государства и народа, на территории которых они оказались. С последующим на эти государства и народы орденским влиянием. И конечной их, государств и народов, перестройкой под нужды Ордена. Пусть «идеальное» государство-карцер в Парагвае остаётся опытом Запада, но свои уроки заучили и славяне: что было с Польским королевством и Литовским великим княжеством при Батории, что случилось с Хорватией в начале двадцатого века, и что теперь происходит на Украине.

Именно с подачи иезуитов наша историография приобрела и закрепила скепсис по отношению к государствообразующей роли православия, заложив конфликт несхождения в фокус виденья национальных героев элитой и народом. Выученик И. Шадена и И. Шварца, сам преподававший в иезуитском колледже аббата Николая, Николай Михайлович Карамзин о Ермаке («История государства Российского»): «Это таинственная и мрачная личность, одним именем своим внушавшая ужас, был человеком без роду и племени. Ни один народ не может нести за него какой-либо нравственной ответственности». Именно «благодаря» иезуитам в первой четверти девятнадцатого века в российской исторической науке сложилась парадигма, в которой даже монархист Карамзин, а уж тем более, последовавшие за ним либерал-демократы Костомаров, Соловьёв, Ключевский рассматривали историю России исключительно с материалистической точки зрения — с позиций обязательного для всего человечества культурного и технического прогресса. Парадокс, но русские историки буквально развивали иезуитскую ненависть к православию «византийско-татарского государства, в котором религия была только орудием для ни передь чьём не останавливающегося деспотизма» (Станислав Заленский, «Общества Иисуса»). Какие бы движущие силы истории ни брались — великие князья или сословия, племена или ландшафты, производственные отношения или брачно-военные союзы — логика российских событий упорно протравивалась вне доминанты русской жизни — православия. То есть, жадность, зависть, страх и секс — исторически оправданные мотивации, а любовь к Богу и любовь к ближнему — бред.

Отказ в приоритете религиозных убеждений для принятия судьбоносных решений государственными деятелями был перенесён с царей на героев войн и трудов, и всенародная религиозная рефлексия на нашествие антихриста и жертвование собой во имя изгнания лжецаря оставлялась «простому» «неразвитому» сословию. Естественно, эта атеистическая установка была радостно подхвачена и продолжена в советский период, один только Сергей Бахрушин отработал так, что даже для домохозяек стало «само собой»: Иоанн Васильевич Грозный — сумасшедший упырь, его сын Фёдор Иоаннович — слабоумный, Павел Петрович — просто дурак, а Николай Александрович — безвольный подкаблучник. А уж как в этом уверены профессора, режиссёры и библиотекари!

Ещё момент: образ народного героя, то есть, героя абсолютного с религиозной точки зрения — образ развитой до святости личности, всегда неудобен для политического использования, ибо политика рекрутирует земными, прагматическими целями. И потому политизация российского общества за последние двести лет все эти двести лет активно провоцирует искажения восприятия исторических образов.

Одним из примеров неоднократного изменения-искажения образа народного, т.е. православного русского героя, ставшего символом жертвенного служения Родине до смерти, с попытками приспособить его имя для сиюминутной «общественной пользы», стал Ермак — Василий Тимофеевич Оленин.

Ермак исторический предельно не годен для питающейся конфликтами политики. Никакой конфликтности: ни для политики национальной — сын великоросса и вогулки, по смерти почитаем равно всеми сибирскими племенами как «святой»; ни для социальной — простолюдин, поднявшийся воинским трудом в сотники с титулом «боярский сын»; ни для экономической — служил царю не как наёмник, а верой и правдой. И в узелки народной памяти его сразу определили как героя православия, чей подвиг более служилое подвижничество, чем ратная дерзость. Так что ещё в 1621 году первый епископ Сибири Киприан (Старорусенков) повелел имена Ермака и казаков, погибших от рук кучумовцев, записать в синодик соборной Софийской церкви, и каждый год в неделю Торжества Православия возглашать им вечную память.

Впервые Ермака попытались использовать в своих интересах авторы масонской литературы (по определению Ю.М. Лотмана, «декабристской литературы»). Так под пером большого честолюбца и русофоба Кондратия Рылеева, уверенного в том, что «в мире не существует хороших правительств, за исключением Америки», народный герой Ермак из православного слуги православному государю вдруг превратился в такого же, как автор, тщеславного безумца:

*...Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...
...С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий...
...В мечтах напомним славу он...*

Александр Сергеевич Пушкин о рылеевских «думах», как во всём, гениально: «Национального, русского нет в них ничего, кроме имён». И, понятно, Пушкин имел в виду не силлаботонику: Кирша Данилов великолепно сымитировал народную былинку, но тоже не поймал главного — религиозную основу русской идеи самопожертвования Родине.

Страсть тщеславия, как главный стимул «взятия Сибири», приписываемый Ермаку аристократами начала века девятнадцатого, будет аукаться даже в советском двадцатом, где в псевдоисторическом романе Василия Гнута «Подвиг Ермака» герой закликает казаков-разбойников: «в Сибири мы найдём кров и пищу и славу добудем!» «Славу», как же без неё казакам, особенно современным! Однако уже к середине капиталистического девятнадцатого века российскую литературу,

которая у нас выполняла роль социально-философских и политических трибун, захватывали демократы-разночинцы. Вызревавшая классовая идеология требовала иных мотиваций для подвига. Теперь смерть за пределами «беспросветной царской тирании» полагалась не ради славы, а как побег из-под власти кровавого безумца в свободу. Параллельно с ложью о герое-либерфиле, сотворялась ложь о «природных свободах» на имперских украинских. Ложь наглая, ибо в реальности того времени эти граничные Украины жили работорговлей и уголовной деспотией.

Либералам-террористам для бомбометания и стрельбы в невинных людей тоже требовалось идейное обеспечение, и образ Ермака из славолубца — через своевольника — перелицовывался в образ откровенного бандита, сливаясь с антихристом Стенькой. Надо понимать, что в России противостояние церкви и уголовного мира, организованного по законам ада, было принципиальным. Бунты и терроризм обязательно сопровождалось кощунством — и Хлопок Косолап, и Разин, и Пугачёв сладострастно глумились над святыней, оскверняя алтари, избивая и убивая священников и их родственников. Что уж говорить о зверствах большевиков, собравших в рядах своих чрезвычай и уголовников, и сектантов. И ещё: не надо атеистам даже пытаться конструировать образ (!) мыслей человека церкви, ничего не получится. Более того, до какой же подлости и пошлости опускаются историки и литераторы в своём обслуживании политики — у искренне коммунистического писателя Евгения Фёдорова Ермак, как бунтарь-уголовник, просто обязан «подломить» монастырь в поисках игуменской казны. Иначе, какой же тот предтеча гегемонии пролетариата?

* * *

Здесь вновь уместно вспомнить об иезуитах. Римско-католический след в Кавказских войнах девятнадцатого века на сегодня достаточно доказан — от разработки для имама Шамиля общей военной стратегии и тактического руководства конкретными боевыми операциями с диспозицией засадной артиллерии, с нападениями на крепости и обозы по наводке оставленных в русской армии шпионов, восемьюстами польскими офицерами-перебежчиками, до возбуждения восстания и массового увода адыгов обманом в Османскую империю. Ведь даже «Шейх Мансур» Льва Толстого, по свидетельству историка терроризма Николая Дмитриевича Литвинова — поляк Теофил Лапинский, что вполне вероятно: перевоплощение в местных религиозных деятелей — типичный приём внедрения агентов орденом. А вот продолжаемая и сегодня деятельность иезуитов по разжиганию межнациональных конфликтов в Сибири ждёт своего исследователя. Ибо тиражируемые ныне в дорогих изданиях фантастические «истории» о русском геноциде сибирских татар, обских угров и даже казахов, которых как народа в шестнадцатом веке просто не существовало, только тиражируются местными нацистами, но слишком знакомы сценарные шаблоны, отработанные на Бресте-Литовском, Полоцке и Львове, реализованные в Хорватии и Галиции. Это для Чехии, Литвы, Польши, Украины и ныне Беларуси Россия «византийско-татарское государство», а для Сибири и Центральной Азии русские — безымянные бродяги, тысячу лет назад явившиеся на Русскую равнину невесть откуда, где под предводительством росов-норманнов выбили местных угров и тюрок, загнав невинных в болота и пустыни. А после распада Великой орды, объединившей усобящихся князей в Мо-

сковский улус, безнаказанно двинулись за Урал в жажде добычи и славы. «Истории» для даунов, но, увы, работают.

Впрочем, иезуиты исторически не единственные, даже далеко не главные враги России: русофобия собирала и собирает гордых завистников и нравственных уродцев, комплексующих от собственной неполноценности, из самых разных стран в самые разные времена. И в числе этого хамова племени всегда была, есть и пребудет гиперактивной пресловутая «пятая колонна». Русофобия в России — чужебесие — духовная болезнь, она же одержимость, порча. Болезнь известная и по симптомам — «характерно унижение других людей, постоянное надсмешание над ними» и «всегда, как червь, точит душу и сердце его смутной печалью, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем», и по лекарству — «Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом».

* * *

«...Унижение других людей, постоянное надсмешание над ними...». Пафос беспомощен перед тупостью. И подлость всегда этим пользуется. Обсмеять, охотить открытость сердечного восторга, душевного страдания и сострадания, поглумиться над доверием любви — технологии опошления чистоты и осаливания непорочности отработаны как передёргивание затвора, и тупость послушно гогочет, ржёт, грает. При этом сама тупость в своей глумливой реакции на пафос по-своему «пафосна», ибо уверена, что реакция её есть собственная, естественно закономерная. Свободно рациональная.

«У сатаны две руки», и второй его рукой тупость так же отработано беленится. «Общественность» профессионально вводится в бешенство, в беснование относительно возвышенного. Опять же под поводом нерациональности возвышенного: православный храм в центре города взамен спортивных и развлекательных комплексов? Все на митинг! Молитва вместо экскурсий? Все на митинг! «Эти попы», которых не удалось загнать в гетто «мемориала», эти «подсвечники», отмывающие не выведенные в офшор деньги... И ладно со слаженностью выхода масс на агрессивные противодействия церкви, это, действительно, технологии, куда интересней разобраться с энергиями мгновенного озлобления выводимых. Казалось бы, большинство противников строительства храмов заявляют себя атеистами, искренне мнят себя живущими вне всякой религиозности. Тогда, что это за эмоциональное бешенство, которое захватывает атеистов по ходу протестной акции, что за неусмиримая ненависть в отношении иного мировоззрения, не отпускающая их и по возвращении домой? Только если учесть, что парки современных городов — как правило, кладбища, некогда выросшие в расширяющийся мегаполис, то агрессивный «рационализм» екатеринбуржцев, петербуржцев, красноярцев, челябинцев, ульяновцев и нижегородцев, вышедших по сетевым призывам НКО (которые, опять же, как правило, исполняют функции иностранных агентов) и беснующихся от идеи освятить захоронения молитвой, при том, что качели-карусели с песнями и плясками на костях их не ужасают, ну... Да-да, парады, демонстрации, народные гуляния перед зиккуратом на Красной площади: праздники, праздники, праздники вдоль захоронений сожжённых трупов вождей мировой революции за ледяным саркофагом терафима Ленина... Странная коммунистическая эстетика вечной тризны, вечногo *Dia de los Muertos*.

*И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»*

И здесь Александр Сергеевич гениален: «Какая польза нам»? «Польза» тупой черни, «рациональность» профанов — древнее материалистическое прикрытие инфернальности посвящённых. Для натравливания массовой тупости на пафос святости нужны провокаторы — эрудированные хохмачи или кликуши от «независимых» СМИ и ещё более «свободных» ютуб-каналов. В основном, это тщеславные популисты — артистичные, напористые, нескрываяемо наслаждающиеся своей лайковой известностью, ею живущие, точнее — живущие для неё, и потому всерьёз спорить с ведущими и участниками ток-шоу, блогерами, колумнистами и прочей глумливой обслугой либеральных издательств, ну, вроде как недостойно. Забавно, но они, эти лайковые хохмачи и кликуши, совершенно уверены, что воспроизводят свои собственные мысли, мнения, суждения, ведь эти суждения «рациональны», доказательно «научны» и «прогрессивны».

Хотя, конечно, не всякий раз получится отмахнуться и пройти мимо вождей тупой черни, мимо лосевских «людей «науки», «культуры», «цивилизации»», ведь глумятся они над святыней, твоей или чьей-то святыней. И если ты просто рефлексивно, безоглядно неосторожно не вступишься за то, что считаешь сутевой основой личности, человеческого бытия, то точно ли ты сам — личность? Точно ли ты — человек?.. Для человека вступаться за святыню неизбежно, и это хорошо знают хозяева, спускающие с поводка «людей «науки», «культуры», «цивилизации»». Отсюда сложность: как ответить жёстко, но при этом не опускаясь до уровня провокаторов? Здесь для ответа требуется не шпага, тут нужен хлыст Константина Николаевича Леонтьева.

Сегодня образ Ермака — Василия Тимофеевича Оленина уже не искажают, не фальсифицируют, сегодня образ народного героя открыто, демонстративно оскверняют. Для чего употребляют уже наваленные на Ермака за два богоборческих века искажения и фальсификации как «факты», как «историческую доказанность», как «само собой» и «всем известное». Оскверняют громогласно, трубно, зычно. Ибо уверены, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (К. Маркс, «К критике гегелевской философии права»), так что велегласностью овладевший «**черный тупой**» аргумент «какая польза нам?» — **та самая страшная сила, против которой не устоять сегодняшней России.**

* * *

Именно так зычен и трубен в своей статье «Ермак и вокруг» автор многочисленных «разоблачений» героики русской истории Буровский А.М.: «Полемика вокруг памятника Ермаку в Тобольске производит странное впечатление. Не очень понятно, во-первых, почему памятник ставить хотят именно Ермаку. Во-вторых,

почему именно в Тобольске. ... Возможно, для какой-то части жителей Тобольска Ермак — символ героизма и отваги, служения Отечеству и объединения народов. Но для другой части тобольчан тот же самый *Ермак* — *просто совершенно отвратительный бандит* (курсив мой, В.Д.). ... Памятник Ермаку в Тобольске ставят под странным лозунгом «мы вас победили», что само по себе провокация»... «Поставим этот памятник — оттолкнем от себя если не всех, то многих сибирских татар. На данный момент — вполне лояльных граждан нашего общего государства. Тем самым покажем татарам — вы не «наши». Вы — покоренные враги. *Мы морально поддерживаем преступления Ермака* (курсив мой, В.Д.). ... Посеять смуту — это ли не мечта любого врага, любого подрывного центра? Так на кого работаете, «патриоты»?..

«Вы не «наши»? Это кого от кого автор «боится» оттолкнуть? Ведь и мы, русские, не ваши, г-н Буровский! Как же всё поверхностно, шаблонно, бело-нично. Но можно ли отмахнуться, пройти мимо, брезгливо отвернувшись от зловонных пузырей русофобской пены, вскипевшей вокруг установки руководителем Фонда возрождения Тобольска Аркадием Григорьевичем Елфимовым поклонного Креста «Казакам дружины Ермака от благодарной России»? Вроде бы можно и нужно: пена осядет, вонь рассеется. Хохмачам и кликушам укажут новую цель для хохмачества и кликушества. Но! Есть предел терпения. Этот предел — совесть. И в данном случае я совестью обязан ответить на провокацию: Ермак — Василий Тимофеевич Оленин — народный русский герой, то есть, он образ святого подвижничества, пример религиозного самопожертвования. И агрессия бурковских заказчиков вызвана установлением в память о герое не просто некоего «монумента», а православного Креста (беснование относительно возвышенного). Крест! Крест — вот истинная причина их пенного бешенства! Ведь что-то не припоминается подобных эмоциональных кликушеских возмущений относительно установки изобразительно отвратной, идейно ублюдочной скульптурной композиции «покорение Сибири» в новосибирском аэропорту бывшим хозяином казахской (!) республиканской телекомпании, а ныне советником президента российской государственной «Роснефти» Романом Троценко. А ведь это был уже второй урод-монумент «покорителю Ермаку» британского скульптора узбекского происхождения Юнуса Сафардиара: такой же апокалиптический монстр, тот же всадник из ада установлен в Томске, и тоже при полной хохмаческой невозмутимости.

Буровский А.М., «Ермак и вокруг»: «Он завоевал Сибирь? Вовсе нет. Сибирь подвели под «высокую государеву руку» совсем другие люди — воеводы, которые строили крепости, и брали на службу местных жителей, в том числе татар. ... Хочется воздвигнуть памятник деятелям русской истории, которые присоединяли Сибирь к московскому царству? Я уже назвал Воейкова... чем вам не нравится Андрей Матвеевич, добивший Сибирское ханство? Или основатель Тобольска, Данило Григорьевич Чулков, ... *Ермаку мы не обязаны ни основанием городов, ни «прекращением главных и важных смут»*» (курсив мой, В.Д.).

Классический пример логики для «черни тупой»: «Какая польза нам»? Вот так, до скуки отработано провокаторы манипулируют современными утилитаристами, кукловодят генерацией глобалистской унификации, не имеющей ни своего религиозного настоящего, ни своего национального прошлого. Что ж, пекущихся о пользе от похода Ермаковской дружины могу отослать к своей статье «Ермак. Геополитика против историографии», в которой разбираю столкновение лондонских, бухарских и московских экономических и политических интересов, сошед-

шихся в конце XVI века на Иртыше. Однако Буровский А.М. в своей русофобской заметке лишь походя апеллирует к наследникам Иеронима Бентома, главной же целью его провокации является то, что сформулировано в Уголовном кодексе как «...возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии» (УК РФ Статья 282).

* * *

Идея нации реализуется в её культуре. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению российский государственный патриотизм руководителей и членов РОО «Национально-культурная автономия сибирских татар и татар Тюменской области». Более того, я искренне разделяю их тревогу за сохранение языка и культурных традиций своего народа. Ведь мне приходится работать по этой проблеме профессионально, так как сохранение жизни национальных языков России напрямую связано с их переводимостью на русский. Дело в том, что язык в охранно-музейной эталонности умирает неизбежно, какие бы усилия энтузиастами ни прикладывались. По прогнозам лингвистов через пятьдесят лет в мире исчезнет от 60 до 90 процентов языков, даже и немалочисленных народов.

Язык нельзя сохранить только педагогикой, без творческого развития: если новые поколения поэтов и прозаиков не пишут на родном языке, не создают всё новые и новые художественные произведения, он рано или поздно угасает. Мои друзья-писатели в Бурятии и Дагестане, в Башкирии и Карелии, в Казахстане и Молдавии давно бьют тревогу: творческая молодёжь амбициозно мечтает о широкой читательской аудитории, которую могут обеспечить только мировые языки, а так как советская государственная система переводов канула в Лету, то молодые авторы в республиках и автономиях переходят на русский. Понятно, что эту беду может остановить только государственная программа, но у нас, Союза писателей России, есть опыт противодействия языковому отмиранию. Как пример — многолетний международный молодёжный фестиваль-конкурс поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы», в рамках которого молодёжь, вначале только из России, Украины и Беларуси, под руководством наставников переводила друг друга со славянских языков, а теперь каждый год в проект входят поэты — носители языков тюркских, угорских и кавказских. Особая радость: молодые поэты из Донецкой и Луганской республик, которые по понятным причинам и думать не хотели писать стихи на украинской мове, благодаря фестивалю теперь сочиняют новые, сильные произведения на замечательном, чистом от поляцизмов, полноценном родном языке. То есть, животворят его. С радостью примем в наш круг патриотов своих культур и молодых поэтов, творящих на сибирско-татарском.

Опять же понятно: сохранить национальные традиции невозможно, если опираться только на негатив, на постоянное возбуждение настоящих и, тем более, надуманных обид, ненависти и зависти к окружающим. Ну, не будут молодые поколения жить злобой и враждой, для жизни нужны красота, душевность, свет. А наша Россия — великая империя и величайшая цивилизация потому, что собрана и держится любовью, добром, справедливостью. Россия возвышена любовью Бога, добром людей, справедливостью своей уникальной государственности с «сакральной, сотерологической миссией Святой Руси — России, как силы, пришедшей в мир затем, чтобы унять сильных и наглых и ободрить слабых, открыв им перспективу спасения» (А.С. Панарин).

Я верю в государственнический патриотизм руководителей РОО «Национально-культурная автономия сибирских татар и татар Тюменской области». И верю, что патриоты России всех национальностей и религиозных традиций всегда могут найти возможность сойтись в прямом, открытом, честном и аргументированном разговоре с соседями, с которыми уже столько пережито общих испытаний и трудностей, побед и радостей, дабы открыто преодолеть любые недопонимания в своих взаимоотношениях ради общего будущего. Так уже бывало не раз, и только так должно быть. Главное — оградить, защитить своё общение от клеветников-провокаторов, сеющих ложь и жнущих подозрения и раздоры.

* * *

На самом деле, сибирякам давно пора разобраться со своей историей.

Сколько можно страшиться наукообразного прогрессизма «мировой истории» с её причудливыми методами познания и классификации социальной действительности, а честнее — вихлятым обслуживанием идеологии апостасии? А не пора ли подвергнуть системной переоценке западноевропейскую «научную картину мира», исходной и опорной точкой которой является «бремя белого человека»? Это их колонизаторская история, а нам нужна наша, история имперская. Пора сбросить западную антихристианскую парадигму, под игом которой уже триста лет чахнет отечественная историческая наука. Хватит терпеть давно сопревшие импотентные концепции и завиральные гипотезы практицизма, антиправославные трактовки событий и героев-подвижников, определивших судьбу нашей прекрасной матери-Родины, пришедшей в мир затем, чтобы унять сильных и наглых и ободрить слабых, а не сочинённого иезуитами «византийско-татарского государства, в котором религия была только орудием для ни передь чъмь не останавливающегося деспотизма»...

Если на историческую реконкисту нет сил ни у Москвы, ни у Санкт-Петербурга, то, может быть, таковые соберутся в Новосибирске, Тюмени, Омске, Томске? Ведь столько тем, столько вопросов.

Тут и селькупско-кетские и самодийские космогонии с общими представлениями абсолютного добра и абсолютного зла, культ мамонта как объяснение военных и мирных отношений с ритуалами договорных клятв-заклинаний... И угорская крепостная тактика против зимних самодийцев и летних тюрок — наша обдорская Илиада...

А кто были беклярбек Чинги-Тури и Ишимский хан для Кок-Орды или Ак Орды? Где проходили сезонные кочевья и где стояли столицы улусов двух (?) Белых и двух (?) Синих орд... Шибаниды-тайбугины-шибаниды — религиозная легитимность перемены власти и безвластие при переменах веры...

Опричина первого набора — Иоанникий Строганов как личный послушник царя-игумена, религиозно-сверхответственно доверенный представитель трона за пределами княжеских и боярских вотчин, где Россия — северный щит восстановленного Абдулла-ханом II великого шёлкового пути...

И, может быть, самая неотложная тема, самая первостепенная: даже с поддержкой англичан и голландцев, имело ли перспективы Кучумово ханство в мировом будущем? Смогло бы собранное саблей интервента-узурпатора малолюдное и рыхло заселённое, религиозно и этнически разноликое протогосударство конкурировать со сложившимися рядом величайшими Евразийскими культурными

центрами Москвы и Бухары, то есть, развилась бы в Сибири собственная оригинальная цивилизация? И ставилась ли кем такая задача?!

* * *

Давно и остро назрела необходимость учреждения постоянно действующих историко-философско-религиозных лабораторий, переосмысляющих всё произошедшее на территории Сибири за шестьсот-четыреста-сто лет именно с надвременно религиозной, а не суетливо утилитаристской, с имперской, а не колониальной позиции. Давно пора очистить образы и раскрыть символы национальной памяти в свете понимания воплощения Божьего промысла о мировой миссии нашей многонациональной, разноконфессиональной и цивилизационно единой России. **Ждут этого истинно народные, истинно русские герои, принесшие в Сибирь Русскую правду Белого царя — Ермак со товарищи не сгнули ради славы и соболей, а встретили смерть выйдя на защиту купцов-бухарцев, чинящих торговые связи Бухары с Москвой, ладящих со-общения Абдулла-хана с царём всея Руси.** «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя». И вот, с точки виденья рисков и надежд современности, с сознания высоты миссии сегодняшней России и широты возможностей сегодняшней Сибири, поставленный и освящённый в Тобольске поклонный Крест Ермаковой дружине — молитвенный памятник героям-самоотверженцам, принесшим свои жизни в жертву Родине — становится всем понятен и всем необходим: **«Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь».**